

Вырезка из газеты

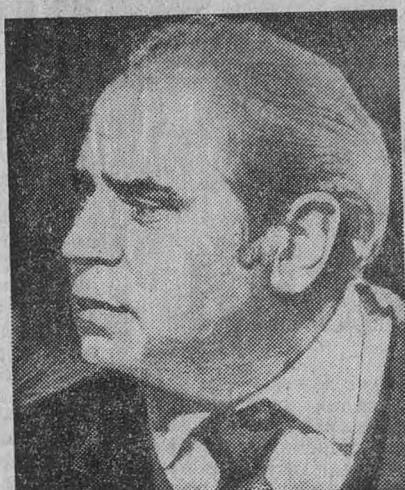
ГОРЬКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Горький

30 НОЯ 1979

● Рядом с интересным
собеседником

ФАКТ — ЕЩЕ НЕ ВСЯ ПРАВДА

Игорь Олегович Горбачев, народный артист СССР, осуществляет художественное руководство старейшего русского театра — Ленинградского академического имени А. С. Пушкина (бывшего Александринского), которому в 1981 году — 225 лет. Поэтому наша беседа с одним из ведущих советских режиссеров и актеров началась именно с этого предстоящего юбилея. Хотелось услышать мнение художественного руководителя о сегодняшнем дне знаменитого театра, его месте в современном сценическом искусстве, его богатых традициях. Однако рассказ Игоря Олеговича был значительно шире и глубже заранее определенной нами темы разговора. Он коснулся проблем не только сугубо театральных, но и социально-нравственных, воспитательных.

— Игорь Олегович, за короткое время в Ленинграде удалось посмотреть такие работы вашего коллектива, как «Ивушка неплакучая» по роману М. Алексеева и «Над светлой водой» В. Белова, «Иванов» А. Чехова и «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого. Спектакли, на мой взгляд, очень неравноценные по своим художественным достоинствам, но четко определяющие гражданские позиции коллектива. Их объединяют публицистичность и заинтересованность, с какими театр выносит на обсуждение вопросы, требующие решения...

— У нас идут еще Леонов, Распутин, «Дети Солнца» Горького, «Элегия» Павловского. Это лучшие наши спектакли. Готовим «Звездопад» Астафьева, «Веранду в лесу» Дворецкого...

— По Вашему мнению, они раскрывают понятие «современность театра», «современный спектакль»? И что вообще делает спектакль современным — будь то классика или пьеса о наших днях?

— Пожалуй, одна из главных особенностей театра вообще быстро отзывается на веяния времени, на то, что волнует современников. Человека влечет в театр то духовное, которое он здесь может получить. В советском искусстве — это благородные идеи гуманизма, исторического оптимизма, которые несет в себе герой — личность значительная, масштабная.

В лучших спектаклях нашего репертуара мы стремились говорить со зрителем честных, принципиальных позиций, отстаивать чистоту идеалов, верность ленинским принципам партийности и народности искусства.

Русский театр всегда отличался гражданственностью, демократичностью, «борцовскими качествами». Это в традициях Александринки, и могу заверить, что на нашей сцене не будет пьесы критиканской — без глубокой критики, пьесы, где автор скорее зубоскалит, чем болеет душой. Недостатки нашего бытия ведь не отменяют тот исторический оптимизм, о котором я говорил. Да, отрицательных фактов в нашей жизни немало, но вспомним

слова Горького, что факт — это еще не вся правда.

Некоторые ретивые драматурги, режиссеры, критики вкуче создают и подсовывают зрителям некую модель бесперспективного общества. Увлечшись философией бытия, в поисках ответа на вопрос: «Что есть человек?», не заходят ли они порой слишком далеко, адресуясь к безысходности, тупику?! Что остается этому самому человеку? Деградация. И мне предлагают анамнез деградации пьяницы — я имею в виду «Утиную охоту», и выдают ошибки Вампилова за норму, пытаются объявить его эталоном. Вампилов был талантливейший драматург, но это было только начало. Его талант надо было еще «перебродить», сформировать основательно.

Мне предлагают трагедию Зилова из «Утиной охоты», а я оглядываюсь на чеховских героев — Иванова, Войничского, Астрова («Дядя Ваня»), на других русских интеллигентов, которым всегда присущи совестливость, душевные мучения в поисках выхода из жизненного тупика. Оглядываясь на трагедию «Бориса Годунова» и ее автора. Более трагического человека, чем Пушкин, я не знал! Но это трагедия здоровой, светлой личности. Трагедия — повторяюсь, — не исключаящая оптимизма. «Веселое имя — Пушкин», — сказал Блок.

Современный спектакль — это значит исторически, жизненно правдивый. К сожалению, порой не правда и поэзия жизни — нашей ли с вами, сегодняшней или прошлой — движут автором или режиссером, а прямолинейные ассоциации.

— Однако, Игорь Олегович, для художника запретных тем нет...

— Советский художник должен утверждать советский, социалистический образ жизни. Я не верю в театр, который не освещен лучом критического анализа. Но от некоторых современных пьес у меня ощущение такое, что автор «танцует» на трудных человеческих судьбах. А вот пьеса Азата Абдуллина «Тринадцатый пред-

седатель» и одноименный спектакль в Московском театре имени Е. Вахтангова — тоже содержит в себе немало острого материала. Но какая нужная, требовательная, с верой в будущее критика!

Идет суд над председателем, который так много сделал для колхозников, отдавая душу, здоровье, ум свой. Отдавая всего себя. Идет суд. Мы уходим со спектакля просветленными. Зрители слышат со сцены святые для них истины и долго аплодируют.

Что касается недостатков и изъянов в нашей жизни, так ведь нам хватает злоупотребления по их поводу со стороны! Все зависит от нас самих. Давайте улучшать нравственную природу человека! За шестьдесят лет мы многого достигли — нового человека воспитать за шестьдесят лет трудно. Да еще нам столько мешали и мешают!

— Какое же место в столь важном деле Вы отводите театру?

— Прежде всего подчеркну — театру, который срывается за новое, передовое в нашей жизни, в человеческих отношениях, в коллективе, в труде, в быту. Наша сцена неотделима от того главного, существенного, чем живет страна.

Театр — популярный и любимый в народе вид искусства. Сужу хотя бы по крепкому, дружескому общению коллектива пушкинцев с рабочими ленинградского объединения «Электросила». Какие это осведомленные в искусстве люди! Мы гордимся общением с ними. А в этом разве не есть воспитательная сила театра? Да мало ли можно привести доказательств этой силы!

Однако, когда начинают разделять театр рациональный, интеллектуальный и театр эмоциональный, я протестую. Через чувства надо будоражить интеллект. Театр должен потрясать, помогая в то же время глубже проникнуть в суть общественных явлений. Не было подобно, мелко — что мы зовем «бормотальным реализмом», а масштабно, выразительно, зримо. Почему бы театру не обратиться, скажем, к культуре женщины, который исчез из нашей жизни — с большими изъянами для нас, наших детей и внуков? И внушать его — страстно, исповедально, с самоотдачей.

Не знаю, сумел ли ответить на Ваш главный вопрос, как я понимаю современность театра. Хотя любое понятие мертво без людей. Для меня Игорь Ильинский, Ростислав Плэтт — истинные носители современности в театре.

Беседу вел
Г. СЕЛИВЕРСТОВА.
Ленинград — Горький.